

В воздухе уже начал разливаться запах дыма — резкий, едкий, тот самый, что бывает, когда горит сухой лес и пепел впивается в горло.

Опираясь на память, Цзянь Нань выбежал к небольшой хижине у подножия горы. На удачу, лесной пожар окрасил небо в тревожно-яркие тона, и дорога была хорошо видна. Будь сейчас глубокая ночь, когда в домах уже гасят свет, он бы просто не смог найти путь.

Он влетел во двор и яростно застучал в дверь:

— Господин! Господин!

Ответа не последовало.

Прокричавшись вдоволь и больше не в силах ждать, Цзянь Нань собрался с духом и налёг на створку. С глухим «бам» дверь распахнулась.

Дверь жалобно скрипнула.

В доме теплился слабый свет. Цзянь Нань обежал весь двор — никого. Он вдруг услышал голос из дома:

— Ты что, бесов зовёшь?

Цзянь Нань шумно выдохнул с облегчением:

— Господин!

За спиной Лю Юцина бушевал пожар — его было видно невооружённым глазом. Пламя разошлось широко, половина неба полыхала багровым. Лето и без того было знойным, а из-за огня жара стала почти невыносимой. Одежда Цзянь Наня промокла от пота, дыхание сбивалось.

Лю Юцин нахмурился:

— Зачем ты сюда пришёл? Ты не понимаешь, насколько здесь опасно?

...

Так вы всё-таки понимаете?!

Цзянь Нань схватил его за руку:

— Здесь нельзя оставаться. Пойдёмте со мной, нужно эвакуироваться!

Лю Юцин резко высвободился и отмахнулся:

— Я никуда не пойду. И идти мне некуда. Этот дом — моё место. Здесь я и останусь.

...

Цзянь Нань, сдерживая раздражение, заговорил мягче:

— А если огонь спустится вниз? Давайте так: я помогу вам собрать самое важное, хорошо?

С упрямыми всегда лучше по-хорошему — силой их не возьмёшь.

Пот стекал по щекам Цзянь Наня, лицо пылало, и выглядел он одновременно жалким и удивительно покорным.

Лю Юцин принёс полотенце и протянул ему:

— Вытрись. А потом иди обратно.

Цзянь Нань небрежно вытер лицо:

— Всё это — безделушки. Жизнь важнее. Нужно уходить.

Лю Юцин медленно оглядел двор и покачал головой:

— Этот двор — самое важное, что у меня есть. Важнее моей жизни. Я никуда не уйду.

...

Цзянь Нань поднял взгляд на пылающую гору и, не выдержав, выпалил:

— Но госпожа уже ушла... Вещи — не живые.

Лю Юцин сел во дворе:

— Живые держатся за мёртвое, чтобы жить. Без этого и жизнь — не жизнь. Ты ещё молод, тебе не понять.

Цзянь Нань замолчал.

После своей смерти в прошлой жизни он больше всего хотел одного — чтобы родные и близкие жили хорошо. Больше ничего. Он был раздавлен смертью матери и не мог ничего изменить; видел, как отец угасает, и, кроме тревоги, был совершенно бессилён. Если бы не Ли Чуань, он и умер бы, не обретя покоя.

— Если с вами что-то случится из-за этого дома, — тихо сказал Цзянь Нань, — больше всех будет страдать госпожа. Для неё это и будет настоящей пыткой.

Лю Юцин поднял на него глаза и фыркнул:

— Да что ты понимаешь.

Пожар продолжал медленно пожирать гору, воздух дрожал от зноя. Цзянь Нань больше не стал уговаривать — он метнулся к кладовке и начал вытаскивать ящики, готовя их к выносу.

Старик Лю пошёл следом, остолбенев:

— Ты что творишь?!

Цзянь Нань не ответил, продолжая таскать вещи:

— Если вы не хотите — я сделаю это за вас!

Лю Юцин перегородил ему путь. Несмотря на возраст, силы в старике ещё хватало. Он перехватил Цзянь Наня, поставил ящик на землю и рывкнул:

— Ах ты, сорванец! Я сказал — я не уйду!

В небе глухо прогремел гром. Раскатистый, тяжёлый, он словно залил половину небосвода давящей тьмой.

И тут, с шумом, хлынул дождь.

Цзянь Нань поставил ящик у двери и сел прямо на него:

— Хорошо. Вы не идёте — тогда и я остаюсь. Я тоже никуда не пойду.

— Что?!

Старик Лю опешил:

— Ты зачем тут остаёшься?!

Цзянь Нань глухо ответил:

— Учитель на один день — отец на всю жизнь. Как можно бросить отца перед лицом беды? Сегодня либо вы уходите со мной, либо мы остаёмся здесь вдвоём.

За всю жизнь Лю Юцин редко встречал людей, способных так выбить его из колеи. Он ходил взад-вперёд, давление подскочило, лицо побагровело. В ярости он заложил руки за спину и дрожащим пальцем указал на Цзянь Наня:

— Ты... ты-ты...

Цзянь Нань, решив идти до конца, даже не шелохнулся.

— Да ты упрямый осёл! — наконец взорвался старик. — Мне, старой развалине, уже недолго осталось, а ты, молодой, зачем лезешь?!

Цзянь Нань сидел неподвижно, как скала, и спокойно поднял голову:

— А как мне потом жить? Я буду помнить это всю жизнь и больше никогда не смогу быть спокойным.

Лю Юцин остановился в дверях, глядя на до отказа забитый склад:

— Даже если я уйду, я буду тебя ненавидеть. С чего тебе мучиться угрызениями?

Снаружи ливень хлестал вовсю, гром сотрясал небо, но пожар в горах почти не утихал. Он был совсем рядом — казалось, треск огня звучит прямо у уха.

Цзянь Нань поднял лицо:

— Вы ведь и сами это понимаете. На самом деле нет никакой ненависти. А то, что мы называем виной, — всего лишь самонаказание.

«Бах!»

Молния разорвала небо, будто ударив прямо в сердце.

Спина Лю Юцина напряглась. В этом оглушительном шуме голос Цзянь Наня прозвучал удивительно отчётливо — так ясно, будто был сказан совсем рядом.

Цзянь Нань смотрел на завесу дождя:

— Вы сами ненавидите себя.

Лю Юцин обернулся, в горле пересохло:

— Что ребёнок вообще может понимать...

— Прошло уже столько лет. Этого более чем достаточно, — Цзянь Нань поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. — Уйдите отсюда. Отпустите её... и отпустите себя.

По телу Лю Юцина пробежал холод. Встретившись взглядом с Цзянь Нанем, он на мгновение ощутил, будто его насквозь видят — видят и понимают. И делает это мальчишка, ещё совсем молодой.

Да, он знал. Он всегда знал: Чжу не стала бы его ненавидеть. За столько лет, возможно, та девчонка уже давно переродилась — никто за ним не наблюдает, никто не смотрит ему вслед.

Никто.

И всё же он упрямо оставался здесь, изо дня в день, из ночи в ночь прокручивая в голове прошлое, снова и снова, словно наказывая себя.

Чжу не ненавидела его.

Это он ненавидел себя.

Цзянь Нань посмотрел на пылающую гору:

— Все эти годы вам ведь было тяжело... Этого правда достаточно. У вас есть ребёнок. Разве не лучше провести больше времени с ним?

Полы халата Лю Юцина трепал ветер. Несмотря на то что здоровье старика считалось крепким, сегодняшняя ночь была слишком суматошной, воздух — тяжёлым и удушающим. Стоило чуть колыхнуть организм, и он уже не выдерживал.

Цзянь Нань поднялся и поддержал его:

— Давайте сначала уйдём отсюда.

Лю Юцин дрожащей рукой указал в сторону кладовки:

— Мои вещи...

— Нань-Нань!

Снаружи раздался крик.

Цзянь Нань обернулся — у входа светилось множество фонариков, стояли люди. Фэн Цзинь подбежал трусой:

— Режиссёр привёл всех. Он сказал, что дом бабушки на этой стороне горы, здесь опасно, и велел всем прийти помочь. На случай чего — сначала вынести вещи.

Лесной пожар всё ещё распространялся. Куда он двинется дальше — никто не знал. Под дождём стояли операторы, рабочие съёмочной группы, люди, которые обычно занимались каждый своим делом, — все в дождевиках, все во дворе. Все понимали, что может быть опасно, но всё равно пришли.

Лю Аньминь вытер лицо ладонью:

— Что за дела — беда, а старшего брата не позвал? Вернёшься — напишешь объяснительную.

У Цзянь Наня внезапно защипало в носу. Он улыбнулся:

— Хорошо. Напишу две тысячи иероглифов, ни одного повтора.

Сзади спросил Ли Хао:

— С чего начинаем?

Ещё недавно лил проливной дождь, но он так же быстро начал стихать. Режиссёр принёс плёнку:

— Есть вещи, которые нельзя мочить. Коробки сначала оборачивайте плёнкой, аккуратнее!

Лю растерянно смотрел, как люди суетятся во дворе.

Цзянь Нань поддержал его под руку:

— Пойдёмте сначала.

— Вы... — Лю Юцин явно не ожидал такого поворота. — Вы как вообще...

Режиссёр сам подошёл и сказал:

— Когда у одного беда — помогают все. Мы с режиссёром Баем дружим много лет. У вас случилось несчастье — у меня нет причин не помочь. Не волнуйтесь, с таким количеством людей здесь всё ценное из двора будет вынесено до последней вещи.

Лю Юцин посмотрел на маленький дворик и промолчал.

Цзянь Нань тихонько дёрнул его за рукав. Не услышав ответа, он сам обратился к режиссёру:

— Хорошо, хорошо, никаких проблем! Спасибо вам большое!

Лю Юцин разозлённо насупился:

— Ах ты, паршивец, у тебя вообще глаза есть? Я тут ещё жив!

Цзянь Нань потянул его к выходу, словно ничего не слыша:

— Вы не стойте здесь, ладно? Мешаете людям проходить, время теряем.

...

Лесной пожар полыхал до самого утра. Всю ночь огонь не ослабевал. Пожарные прибыли и начали организовывать эвакуацию.

К счастью, в городке не было пострадавших, дома почти не пострадали. Цзянь Нань слышал, что огонь спускается вниз по склону, но пожарные уже сделали противопожарные полосы, стараясь минимизировать ущерб.

Стрим возобновили в обычном режиме. Зрители были в замешательстве:

«Кажется, в новостях уже что-то говорили про это...»

«Я ещё подумал, что название знакомое.»

«Так это реально у Нань-Наня?!»

«Чёрт, всё нормально? Никто не пострадал?!»

Цзянь Нань вкратце объяснил ситуацию, чтобы успокоить зрителей. Умывшись, он решил заглянуть к бабушке Лю в соседний номер. Постучал — тишина.

Он постучал сильнее. Безрезультатно. Ни малейшего движения. Цзянь Нань нахмурился. К счастью, это был отель — попросить открыть дверь не составило труда.

Сотрудник быстро пришёл и открыл номер.

Цзянь Нань вошёл стремительным шагом и увидел старика, лежащего на кровати. Лицо было белым как мел, глаза плотно закрыты. Сердце ухнуло вниз.

— Господин?..

Лю Юцин еле слышно откликнулся.

Цзянь Нань мгновенно напрягся. Вызов «120», звонок контактному лицу — всё произошло почти автоматически. Пока ждали скорую, он не переставал говорить с Лю Юцином.

— Господин, скорая уже едет.

— Вам где-то болит?

— А вещи, которые мы перевезли... куда потом их поставим?

Он всё время что-то говорил, тихо, непрерывно. Когда Цзянь Нань паниковал, он не метался — наоборот, выглядел удивительно собранным. Голос был мягким, спокойным. Только очень внимательный человек заметил бы, что с самого начала у него дрожали ноги.

Зрители начали сочувствовать:

«Некоторые с виду спокойны, как удав, а сами под столом ногами трясут.»

«Нань-Нань ведь и правда ещё совсем молодой...»

«Да-да, иногда он кажется таким зрелым и хладнокровным, а иногда вдруг понимаешь — он ведь ещё совсем ребёнок.»

«Нань-Наню и правда тяжело пришлось...»

Разумеется, большинство зрителей переживали и за старика. Когда приехала скорая, Цзянь

Нань поехал вместе с ней. Режиссёр не позволил оператору следовать за ними, да и вся съёмочная группа осталась на месте. Машина направилась в областную больницу. Там Лю Юцина сразу увезли в реанимацию, а Цзянь Нань остался ждать снаружи.

Тревожное ожидание — самое мучительное.

Он сидел на стуле, уставившись в пол, когда рядом раздались шаги и спокойный голос:

— Здравствуйте.

Мягкий, низкий тембр заставил Цзянь Наня поднять голову. Перед ним стоял мужчина в белом худи с капюшоном. Стройный, высокий, в свободной, непринуждённой одежде. Волосы чуть длиннее обычного, но на нём это выглядело удивительно гармонично. Вся его фигура излучала сдержанную элегантность и тонкую, почти художественную утончённость.

Очень знакомый.

Но откуда — не вспомнить.

— Вы Цзянь Нань? — мужчина улыбнулся и протянул руку. — Бай Цзинхуэй. Наслышан о вас.

Глаза Цзянь Наня округлились, он вскочил на ноги:

— Режиссёр Бай?! Это правда вы? Вы — режиссёр Бай?!

От потрясения он переспросил трижды подряд.

Бай Цзинхуэй рассмеялся — открыто и непринуждённо:

— Да, это я. Не узнали? А вот я вас хорошо запомнил.

Цзянь Нань судорожно перебрал в памяти обрывки воспоминаний, и вдруг всё встало на место.

— Вы... вы с того фонарного праздника? — пробормотал он.

Бай Цзинхуэй кивнул.

Вспомнив историю с ароматным мешочком, Цзянь Нань вдруг не нашёлся, что сказать. Неловкость металась внутри, и в конце концов он лишь беспомощно улыбнулся:

— Какое совпадение...

Бай Цзинхуэй слегка приподнял уголки губ:

— Вы тогда сказали: если судьба — ещё увидимся. Похоже, наша судьба и правда неглубока.

Цзянь Нань тихо кивнул:

— Да.

Они стояли у дверей реанимации — явно не лучшее место для воспоминаний. Бай Цзинхуэй посмотрел внутрь:

— По телефону я уже примерно понял, что с отцом. Спасибо тебе, ты очень постарался.

Цзянь Нань покачал головой:

— Это он больше заботился обо мне.

— Этот пожар, как ни странно, стал поводом, — сказал Бай Цзинхуэй, садясь рядом. — У него давно неважное здоровье, многое тянулось годами. Я собираюсь забрать его в город. Похоже, он тебя слушает... Если что, помоги мне его уговорить.

Манера Бай Цзинхуэя была неизменно вежливой и спокойной, с ним было удивительно легко находиться рядом.

— Я не уверен, что он меня слушает, — смутился Цзянь Нань. — Но сейчас ему точно нельзя возвращаться одному. Без присмотра опасно. Если я могу чем-то помочь — я не откажусь.

— Спасибо, — искренне ответил Бай Цзинхуэй.

Они ещё немного посидели, обменялись парой фраз, намеренно не касаясь «Облаков и Дыма Столицы», будто этой темы вовсе не существовало. Примерно через полчаса Лю Юцина вывели из реанимации — старые болезни дали о себе знать: высокий сахар, плюс сильный стресс.

Лю Юцин ушёл с врачом поговорить, а Цзянь Нань прошёл в палату.

Через некоторое время старик вернулся. Он посмотрел на Цзянь Наня — и ничего не сказал, лишь снова перевёл взгляд к окну.

— Вы заболели, — мягко сказал Цзянь Нань. — Съёмки временно остановили. Господин Бай уже здесь, вы скоро увидите.

Лю Юцин прикрыл глаза:

— Спасибо тебе. Намучился.

Цзянь Нань поправил ему одеяло:

— Так и должно быть. Если что-то понадобится — звоните. Сейчас вам нужно хорошо отдохнуть.

Раз уж родной сын был рядом, Цзянь Наню не имело смысла задерживаться. И по чувствам, и по разуму — на этом его участие можно было считать завершённым. Разве что было немного жаль: эта внезапная связь учителя и ученика оказалась слишком короткой.

В палате воцарилась тишина.

Через некоторое время Лю Юцин фыркнул:

— Я, между прочим, заболел, а не умер. Ты ещё и половины обучения не прошёл, а уже собрался сбежать, даже не заплатив за уроки?

Цзянь Нань замер, потом посмотрел на недовольное лицо старика и рассмеялся. В груди наконец-то стало легче.

— Учитель прав, — послушно отозвался он. — Я ещё не окончил обучение. Не волнуйтесь, я буду приходить каждый день.

Лю Юцин заметно смягчился.

Но поскольку рядом был Бай Цзинхуэй, Цзянь Нань всё же не решился задерживаться. Обменявшись ещё парой слов, он вышел — и как раз столкнулся у двери с входящим Бай Цзинхуэем.

— Уже уходишь? — спросил тот.

Цзянь Нань кивнул:

— Да. Кстати, вы ведь ещё не ели? Я могу купить что-нибудь и занести перед уходом.

Бай Цзинхуэй удивился его внимательности, улыбка стала ещё мягче:

— Не нужно. Я уже заказал, скоро принесут. А вот ты... с самого утра на ногах, наверняка голоден. Оставайся, поешь со мной.

Цзянь Нань покачал головой, собираясь отказаться.

Но Бай Цзинхуэй сделал шаг ближе.

Слишком близко.

Тонкое, красивое лицо приблизилось, между ними осталось совсем немного пространства. Возникло необъяснимое давление, будто воздух стал плотнее. В какой-то миг Цзянь Наню даже почудился лёгкий аромат весенних персиковых цветов. У самого уха прозвучал низкий, спокойный, почти ласковый голос:

— Снаружи полно журналистов. Они приехали вслед за скорой. Если ты сейчас выйдешь, завтра мы будем на первых полосах, малыш.

— ...

<http://bllate.org/book/12642/1121333>